

рьеру гетеры и содержанки — в конце концов, она становится танцовщицей в одном из парижских ресторанов. Другая не мыслит своей жизни без искусства (она даже выступает на оперной сцене в Италии — черта автобиографическая), но не хочет стать профессиональной певицей. Ее неудачная любовь и одинокое материнство — в центре повествования.

Ложно истолкованное чувство долга становится через много лет причиной драмы героя романа «Долг жизни» (1917; переиздан в Берлине в 1922). В течение мн. лет герой любит женщину и хочет жениться на ней, но в него влюбляется юная дочь его возлюбленной. В приступе отчаяния герой кончает с собой. Роман «Долг жизни» завершает дореволюционный период творчества Л.-Д.

О том, как произошла эмиграция писательницы и как она жила первые годы после революции, можно составить представление по ее фельетонам и очеркам, печатавшимся в эмигрантских газ. В них описывается насильственное использование населения на общественных работах (Голос России. 1921. 21 янв.), неудавшаяся попытка бегства в Финляндию (Голос России. 1921. 20 мая), пребывание в застенках ЧК (Голос России. 1921. 13 марта). В дек. 1920 Л.-Д. удалось бежать с детьми в Прибалтику, где она жила некоторое время и откуда неоднократно навещалась в Варшаву и Берлин. Посещение Рима в 1923 и состоявшаяся аудиенция у папы Пия XI стали особенно значительными в жизни писательницы — вскоре она переходит в католичество (Париж, 1924). С середины 1920-х писательница жила во Франции; в последние годы своей жизни она была самоотверженной прихожанкой Свято-Троицкой русской католической церкви в Париже, много времени уделяя делам благотворительности.

Еще находясь в Петрограде, Л.-Д. работала над тетралогией «Развал» (Берлин, 1921–22), состоящей из романов «Развал», «Крушение», «На ком вина?», «Да будет свет». Внимание к внутреннему миру героев, столь свойственное Л.-Д., сменяется здесь желанием дать панораму русской жизни с 1916 по 1919. Тетралогия показывает, как интеллигенция и дворянство воспринимали переворот 1917.

Первый написанный за пределами России роман — «Екатерина Никитишна» (Берлин, 1922). Героиня уверена в гибели в застенках ЧК своего возлюбленного; его чудесное спасение и приезд в Берлин помогают ей обрести утраченное душевное равновесие.

Слишком явная прокатолическая тенденция характерна для романов «К счастью» (Париж, 1923) и «Поруганный» (Париж, 1926); эти произведения не нашли сочувствия в среде эмиграции. Л.-Д. вновь возвращается к теме дореволюционной России: романы «В усадьбе» (Париж, 1928), «Миллионы Бурлаковых» (Рига, 1929; под названием «На Волге» переиздан в Шанхае в 1937). В целом творчество Л.-Д. составило одну из ярких страниц в истории беллетристики 1910–20-х. Ее произведения пользовались особенно большим успехом у женской аудитории; они часто становились бестселлерами на книжном рынке. Согласно учету выдаваемой лит-ры в Тургеневской библиотеке в Париже, в 1930-е Л.-Д. входила в число 15 наиболее читаемых авторов. Вместе с тем критики, воспитанные на идеалах общественного служения, были порой несправедливо строги к ее произведениям.

Значительный интерес для понимания творчества писательницы представляют ее неопубликованные мемуары «*Une vie*», написанные по-французски (рукопись хранится в архиве изд-ва «Жизнь с Богом», Брюссель); не менее любопытны, по-видимому, дневники писательницы, местонахождение которых неизвестно (они велись Л.-Д. в течение всей ее жизни, начиная с 15-летнего возраста) — о них сообщается в некрологе писательницы (Русский католический вестник. Брюссель. 1951. № 3. С. 24).

Соч.: Княжна Мара. Пг., 1914; Русский барин. Пг., 1915; Маленькая женщина: повесть и рассказы. Пг., 1918; Крушение (Армия). Берлин, 1922; В усадьбе. Париж, 1928; Миллионы Бурлаковых. Рига, 1929; Петроградские наброски: Очерк // Последние известия. Ревель. 1921. № 106. 6 мая. С. 1–2; Письмо женщинам всего мира // Последние известия. Ревель. 1921. № 283. 24 нояб. С. 3; Сцены петроградской жизни // Последние известия. Ревель. 1921. № 8. 13 янв. С. 2; № 92. 21 апр. С. 2–3.

Лит.: Василевский И. М. [Не-Буква]. В будуаре: Дамская лит-ра до и после революции. Берлин, 1923; Берберова Н. Курсив мой. München, 1972; Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1989. Ч. 3.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

ЛАПШИН Виктор Михайлович [27.2.1944, г. Галич Ярославской (ныне Костромской) обл.] — поэт.

Отец работал шофером на лесовозе, мать — бухгалтером в государственном банке. В 1961, окончив среднюю школу, Л. поступил на историко-филол. ф-т Костромского

педагогического ин-та, из которого после 3-летней армейской службы перевелся в Вологодский. Однако, не чувствуя призвания к педагогической деятельности, образования не закончил.

С раннего детства Л. проявлял интерес к поэзии Тютчева, Блока, Баратынского. С 12 лет начал писать стихи; первая публикация — стих. «**На границе**» в галичской газ. «Северный колхозник» (1958. 23 февр.). Начало серьезной творческой деятельности — в Вологде в 1967. Впечатлительность и чрезвычайная восприимчивость к русской природе и истории, способность восхищаться красотой мира и выражать в слове его многообразие, признание множества авторитетов и при этом отсутствие подражательности — все эти качества открыли Л. дорогу в поэзию.

Его первым стихам дал положительную оценку Н. Рубцов: «В. Лапшину особенно свойственно стремление обо всем говорить теми образами, которые создаются путем сравнений, метафор, гипербол. Здесь он нередко достигает впечатляющей силы и запоминаемости. Взять хотя бы такие строчки из разных стихотворений: „...Зажгут рябины / По дорогам красный свет“. Или: „Вслед им дерево помашет / Старой шапкою гнезда“. Это сказано об улетающих птицах» (Рубцов Н.— С. 110). Первый сб. Л. «**На родных ветрах**» появился в 1979, но в полной мере худож. мир поэта предстал в книге «**Поздняя весна**» (1985). В. Кожинов во вступ. статье охарактеризовал поэзию Л. как «новое явление в искусстве», отметив, что его лирика отличается «предметной пластикой воссоздания жизни»: «Предельная подчас обобщенность образа, присущая многим произведениям Виктора Лапшина, обусловлена вовсе не его „неумением“ воссоздать, воплотить в поэтическом слове жизненную реальность, а сознательным устремлением к обнаженно мыслящей, в прямом значении слова философской, или столь же открыто исповедальной лирике» (Кожинов В. Об этой книге. С. 3). Раздумья автора — его боль «за всех — и ради всех»: «Страшусь — и верую упорно, / Что поделиться незорно / Сердечной думой. Знаю я: / Зачашнет тайное под спудом; / Пускай не станет слово чудом, / Но будет эхом бытия» («**Мой друг! Мой брат! Такое дело...**»).

В. Кожинов констатирует возрождение в творчестве Л. исповедального жанра: «Если непредвзято и внимательно вслушаться в его, казалось бы, чисто „риторические“ стихи <...>, нельзя не ощутить в них живую и властную лирическую энергию, рвущуюся из глубины духа волю поэта. И нужно понять, что сама

В. М. Лапшин

эта поэтическая воля и есть весомое порождение и выражение реальной современной жизни. Прямое воплощение этой поэтической воли в мысли и исповеди являет собой на сегодняшнем этапе развития лирики, как представляется, едва ли не более существенную и необходимую задачу, чем сотворение пластичных лирических образов» (Кожинов В. Об этой книге. С. 4). Стремление найти личный, исповедальный голос обуславливает обращение поэта к фольклорным мотивам и формам.

За «Поздней весной» последовали сб. «**Воля**» (1986), «**Желание**» (1988), «**Дума-даль**» (1989) (получившая мифологическую глубину благодаря стихам, написанным в форме народных баллад), «**Мир нетленный**» (1989). Как отметил М. Базанков, стих., опубликованные в этих книгах, «близки лучшим образцам гражданской лирики»: «В напряженности, недосказанности этой поэзии таится загадка, которую каждый волен в силу своих возможностей отгадывать сегодня или завтра, нынче или когда-нибудь позднее. Одни пойдут далью думы, другие поиском любви и верности, третьи остановятся, чтобы понять собственное самочувствие в соприкосновении с другими судьбами, а кто-то и отмахнется, не принимая такой способ поэтического исследования жизни и выражения чувств, усомнится в предвидениях поэта, не примет жесткой категоричности некоторых стихов. Поэт это предвидит, зная что „обнаженность нерва“ и „гордая державность“ («**Так будет**») ныне не услаждают слух, на-

саждающих иные нравственные ориентиры. Но решительно идет он на трудный диалог, стремясь сочувственно и строго понять каждого собеседника» (Базанков М.— С. 6).

В 1994 выходит сб. Л. «Кольцо», включающий произведения 1974–94. Поэт развивает здесь свои основные темы, находя новые образы; «лучи его жизненных тревог охватывают все более широкое пространство. Многовековая стихия русского слова, из которой произрастает поэтическое самовыражение, чувствуется прочной основой самобытной поэзии — любовной, философской и гражданской лирики» (Базанков М.— С. 6).

Кроме отдельных изданий, подборки стихов Л. печатаются в ж. «Наш современник», «Москва», «Огонек», «Лит. учеба», «Лепта», «Волга», в различных поэтических сб. и в местной печати.

Л. занимался переводами дагестанских, абхазских, азербайджанских поэтов. Лауреат премии им. Ф. И. Тютчева (1986), еженедельника «Лит. Россия», нескольких годовых журнальных премий.

Соч.: На родных ветрах. Ярославль, 1979; Поздняя весна. М., 1985; Воля. М., 1986; Желание: Книга лирики. Ярославль, 1988; Дума-даль. М., 1989; Мир нетленный. М., 1989; Кольцо: Избранное: Стихи 1974–1994 гг. Кострома, 1994.

Лит.: Рубцов Н. О подборке стихов В. Лапшина // Поэзия. М., 1982. № 34. С. 110–111; Ростовцева И. [Послесл.] // Поэзия. М., 1982. № 34. С. 111; Кожин В. Об этой книге // Лапшин В. Поздняя весна. М., 1985. С. 3–6; Кожин В. Помнит все, что с Родиной было // Лит. газ. 1988. 2 марта. С. 4; Базанков М. Ф. Но никого в беде мы не бросали... // Лапшин В. Кольцо. Кострома, 1994. С. 3–6; Семенов Р. На переломе времени // Лит. Россия. 1994. № 49. С. 5; Дедков И. Новый цикл российских иллюзий // Новый мир. 2001. № 11. С. 119–142; Баранова-Гонченко Л. Г. Поймите лишь, каких носители вы сил // Любимые дети Державы: Русская поэзия на рубеже веков. М., 2002. С. 5–11.

М. В. Педько

ЛЕБЕДЕВ Алексей Алексеевич [1(14).8.1912, Суздаль — 14.11.1941, район о. Кери (Балтийское море)] — поэт.

Отец — юрист, служил адвокатом. Мать — учительница, преподавала русский яз. и лит-ру. После Суздаля семья некоторое время живет в Костроме, а с 1927 в Иваново. Там, в Иваново, Л. печатает свои первые стихи. С детства мечтая о море, после окончания девятилетки Л. отправляется на Север, в Заполярье, где в течение 3 лет служит сначала юнгой, а затем матросом на торговых и ры-

боловных судах. Вернувшись в Иваново, учится в индустриальном техникуме на строительном отделении. После его окончания в 1933 был призван на действительную службу и направлен в Кронштадт, в школу радистов. Здесь окончательно созревает решение Л. посвятить себя флоту. В 1936 он подает рапорт и получает направление в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, которое закончил в 1940.

Годы учебы были особенно яркими в жизни Л. Он активно печатается в ж. «Краснофлотец», газ. «Красный Балтийский флот», многотиражной газ. «Фрунзевец». В училище примкнул к литобъединению, которым руководил поэт Всеволод Азаров. На судьбу Л. повлияла также встреча с лидером объединения молодых ленинградских поэтов Александром Гитовичем. В 1939 вышла первая книга стихов Л. «Кронштадт». В этом же году курсант Л. был принят в Союз советских писателей. Второй сб.— «Лирика моря» — вышел в год окончания училища (1940). Во время финской кампании Л. был одним из первых в училище, кто подал рапорт о направлении в действующий флот. Командование удовлетворило его просьбу, и поэт участвует в войне с финнами в качестве штурмана-стажера на эсминце «Ленин». Здесь он создает цикл новых стихов.

А. А. Лебедев